

Ю.Л. ВОРОБЬЕВ

д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии и социологии
Курской государственной сельскохозяйственной академии
имени профессора И.И. Иванова
(г. Курск)

ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ КАК ЖЕЛАННАЯ БОЛЕЗНЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

В статье дается анализ проблемы «европейничания», поставленной Данилевским Н.Я. во второй половине XIX века. Раскрываются причины и последствия этого явления для российского общества.

Ключевые слова: европейничанье, культурно-исторический тип, либерализм, путь развития.

Идеи могут устремлять людей к возвышенным целям, могут просто восхищать и завораживать воображение своей оригинальностью, а могут преобразовывать действительность и самих людей. Идеи могут превращаться и в навязчивую болезнь подражания кому-то, кто, как кажется, преуспел в своем мнимом величии, прогрессе, наконец, в житейском благополучии. Западная Европа для многих восточных соседей казалась более развитой, благоустроенной, культурной. Лондон и Париж, Рим и Вена, другие столицы европейских государств незримым магнитом притягивали к себе людей. На протяжении столетий они развивались, воплощая замыслы передовых умов разных стран. Завоеванное в битвах народов богатство оседало во дворцах и храмах не только этих столиц, но и создавало возможности благоустраивать провинции, строить дороги, мосты, ирригационные сооружения. Жизненный уровень многих европейцев действительно был выше других народов. Это создавало впечатление, что именно западная Европа является центром если не всего мира, то европейской цивилизации.

Теоретическое обоснование Гегелем универсализма в историческом развитии, как устремление мирового духа к свободе, стало господствующим в умах просвещенной интеллигенции Европы. Гегелевская философия с идеей всеобщего развития абсолютного духа, устремленного к самопознанию и свободе, по словам классиков марксизма, торжественным маршем шествовала по странам Европы, утверждая дух «европоцентризма». Эта идея завладела умами и отечественных либералов, революционных демократов, большинством интеллигенции России. Завораживали лозунги французских республиканцев: свобода, равенство, братство. Всем хотелось свободной, счастливой, обеспеченной жизни, как в благополучной Европе.

Первым, кто попытался сопоставить два стиля жизни и сформировать проблему русского самосознания, был Петр Яковлевич Чаадаев. Как только мы задумываемся над своей собственной сущностью, мы невольно впадаем в некую дилемму «Восток-Запад», считал он. Одни не прочь считать себя европейцами, другие молчаливо соглашались с восточными корнями своей родословной.

Чаадаев был категоричен, утверждая, что мы не те и не другие. «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имели традиций ни того, ни другого» [1]. Талантливый мыслитель по существу первый сформулировал проблему одиночества целой нации. Как глубоко верующий человек, он считал, что таков промысел Бога, смысл и назначение которого кроется в особой исторической миссии нашего народа. Если это так, то историческая роль России заключается не в подражании цивилизационному Западу, не в копировании его образа жизни, а в поиске новых путей духовного развития народов. Чаадаев эту мысль формирует не столь отчетливо, но все его рассуждения о ментальности нашего народа, его слабом вкладе в мировую культуру и цивилизации как бы свидетельствует, что все это впереди. «Необходимо снова начать у нас воспитание человеческого рода» [1]. Правда это воспитание он видит через религию. Чаадаев, на наш взгляд, стоял у истока раздвоения русской социальной мысли на две ветви, одна из которых следовать за западной философией, другая искала свой путь объяснения и судеб мира, и собственного развития. Поиски обоснования своего славянского пути развития наиболее четко выразил Н.Я. Данилевский. Во-первых, он критически отнесся к обоснованию гегелевской идеи универсализма в развитии человечества и к идее европоцентризма. Более того, он считал что универсализм – это европоцентризм в завуалированной форме.

Данилевский обосновывает не только новый взгляд на исторический прогресс и существование четырёх культурно исторических типов, но показывает, почему Россия и Европа находятся на разных исторических полюсах. Более того, один параграф своего фундаментального труда «Россия и Европа», посвящен проблеме «европейничанья» русского общества. Многие выводы Данилевского не только не потеряли своей актуальности, а приобретают сегодня особую значимость, поскольку, мир в целом с одной стороны, идет по пути глобализации, выработке общих фундаментальных принципов в экономике, культуре, а с другой стороны, создается обостренность отношений между развитыми странами и развивающимися. Формируется «золотой эшелон избранных, которому противостоит отряд все более отстающих стран, будущих если не изгоев, то постепенно растворяющихся в конгломерате объединений, транснациональных компаний. Эти новоявленные Левиафаны стирают национальную идентичность людей, их культуру, заменяя её потребительской «массовой культурой, точнее псевдо культурой. В то же время национальное самосознание, которое пытаются разрушить глобальные процессы, представляет собой мощную мину замедленного действия, которая несет в себе опасную возможность новых потрясений в мире.

Запад сегодня не может предложить необходимых идеалов и ценностей, его идеологи довольствуются общими мировыми тенденциями, которые ведут человечество к обществу «массового потребления», «всеобщего благосостояния», пропитанного насквозь безнравственностью и бездуховностью. Национальные культуры отличаются самобытностью, оригинальностью, за ними стоит многовековой опыт народов. Только опираясь на его анализ, не разрушая его, обогащая и развивая, можно создать новые ценности и идеалы. Попытки такого поиска и предпринял Данилевский. Уже в характеристике славянского

культурно-исторического типа он увидел более сложное основание для существования и развития новой цивилизации.

Если предшествующие культурно-исторические типы, которые Данилевский называет цивилизациями, сосредоточили свое усилие и добились успехов в отдельных формах человеческой деятельности, то славянской цивилизации предстоит решить более сложные задачи. Достижением германо-романской цивилизации являлось «развитие положительной науки о природе; искусство, развитие идеи прекрасного было преимущественно плодом цивилизации греческой; право и политическая организация государства – плодом цивилизации римской; развитие религиозной идеи единого истинного Бога – плодом цивилизации еврейской» [2, с. 198].

Данилевский считает, что в этих формах деятельности славянский культурно-исторический тип должен и может соревноваться, быть помощником этих цивилизаций. Но назрела необходимость «в перемене направления сфер деятельности, чтобы прогресс мог продолжаться». Эта мысль отечественного философа глубока и опережала свое время. Действительно, развитие предшествующих цивилизаций создали основание для становления индустриальной мощи не только Европы. Но нужен новый вектор развития, новые ценности. Интуитивно это переход к новым ценностям, новым целям, новым идеалам выражался разными мыслителями второй половины девятнадцатого века. Он касался поиска не только общественного бытия людей, форм их жизнедеятельности, но и поиском нового человека от «сверхчеловека» Ницше до «Богочеловека» у Владимира Соловьева.

Данилевский Н.Я., раскрывая возникшие противоречия и трудности на пути европейских культурно-исторических типов, приходит к выводу о необходимости перехода к новому культурно-историческому типу, который бы имел бы «большее значение в общем развитии человечества» [2, с. 124].

Таким культурно-историческим типом и является славянский, основу которого составляет русский народ. Отмечая особенности русского народа, Данилевский делает акцент на его духовности, преобладании в нем общественного интереса над личным, индивидуальным интересом. «Не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» [2, с. 195 – 196].

Эти особенности русского человека несут в себе как положительные, так и отрицательные особенности. Если для европейца характерен расчет, преобладания рационального мышления над эмоционально-чувственным состоянием, то для русского человека основной доминантой является вера. Русский человек – человек веры. «Нам не знаком силлогизм Запада» говорил Чаадаев Н.Я. Вера – иррациональна, она допускает чудо, она легко внушаема. Западный германо-романский мир претендует на выражение общего хода истории, подменяет частную европейскую цивилизацию с всечеловеческой. Оно, по словам Данилевского «породило пагубное заблуждение, известное под именем западничества, которое отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную роль

подражателей Европы, лишает нас надежды на самобытное культурное значение, т.е. на великую историческую будущность» [2, с. 469].

Данилевский Н.Я. расценивает европейничанье как болезнь русской жизни. Его критика западничества, как направление социальной мысли в России глубоко аргументирована историческими фактами, показывающие существенные различия между Россией и Европой по всем областям человеческой деятельности. Эта болезнь может сделаться глобальной, угрожает русскому народу «бесплодным и бессильным существованием» [2, с. 263].

Данилевский показывает, как развивалась эта болезнь в историческом плане, каковы её онтологические и гносеологические основания. Данилевский не отрицает научно-технические, промышленные успехи Европы, которая «всегда стремилась расширить свою власть и влияние во все стороны – как через моря на Запад, так и на Восток. Der Drang nach Osten выдуман не со вчерашнего дня» [2, с. 264].

Укрепление русской государственности не обходилось без заимствования культурных, технических сокровищ Запада. Рассматривая фигуру Петра I, Данилевский показывает противоречивый характер, приверженность западу и негативное отношение ко многому русскому. «Он вместе и любил и ненавидел её» (т.е. Россию) [2, с. 265]. В деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в жестком смысле этого слова, т.е. изменения в быте нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе» [2, с. 265]. Первое Данилевский оценивает положительно, вторые – отрицательно, наносящий вред будущности России. «Русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад» [2, с. 266].

Все формы европейничанья сводились к трем разрядам: 1) искажения народного быта; 2) заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо; 3) взгляд, как на внутреннее, так и внешнее отношение и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения [2, с. 267 – 268].

Изменения, которые произошли в характерной жизни России начиная с семнадцатого века, не могли не оставить глубокого следа, тех последствий, которые привели к раздвоению русского сознания, всего духовного склада. Сформировались практически две России: одна – экономически имущественная, устремленная к благам цивилизации, считающая себя просвещенной, устремилась к западному миру, его ценностям. Другая, зависимая от господствующей элиты, живущая своей жизнью своими интересами, своей культурой, своими ценностями. В ней представлены основные слои населения с вышедшей из недр народа интеллигенцией, сочувствующей ему. Как социокультурное явление русская интеллигенция была неоднородной в своих устремлениях, мировоззрении. О чем свидетельствуют сами представители, как западничества, так и славянофильства.

Важным вопросом является выявление причины размежевания в самой русской интеллигенции. Если ориентация на Европу высших правящих слоев

общества объяснима и понятна, то сложнее с интеллигенцией обедневшего дворянства. Почему раскол произошел и в этой среде? Раскол идейный, принципиальный, раскол, который продолжается по наше время. «У нас есть европействующие аристократы, у нас так же точно есть и европействующие демократы», писал Данилевский. Относительно первого сословия специфических причин зарождения её в России нет. Это общемировое явление. Что же касается демократии, причина зарождения которой некоторыми мыслителями усматривалась в русском нигилизме, Данилевским отрицается. «Нигилизм – не более и не менее, как одна из форм нашего европейничанья», считает он, связывая его с европейским материализмом. «Мы и тут повторяли, как попугаи, чужие слова и мысли, как наши деды повторяли учение энциклопедистов, а отчасти учение мистиков, как наши отцы – учения германского трансцендентального идеализма» [2, с. 293]. Если есть в нигилизме, что-нибудь русское, так это его карикатурность. Эта карикатурность наблюдается в перенимании всего с Запада: и аристократизма, и демократизма, и конституционализма. О культуре, особенно в её сегодняшней форме «массовой культуры», говорить не стоит. Здесь сплошное подражание, заимствование, болезненное желание угодить.

Но самой опасной формой европейничанья, по словам Данилевского Н.Я., является «балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьей, перед решением которого трепещем, милость которого запрашиваем» [2, с. 294]. Удивительная точность характеристики поведения правящей элиты постсоветской России. Слава Богу, что последнее пятилетие наполняется чувством национального достоинства, и политика президента В.В. Путина меняет вектор поведения. Но действия одного лица, даже первого руководителя не может изменить позицию правящей бюрократии, выросшей на идеях превосходства западной модели и занявшей ключевые посты в министерствах и других институтах власти. Один пример с образованием, его реформами по так называемому Болонскому проекту, говорит о многом. Сколько умных, обоснованных речей звучало с разных трибун, сколь веских аргументов в его гибельности для нашего образования не приводилось, а разрушение образования под видом его модернизации продолжается.

Как видим, корни европейничанья в этой сфере глубоко укрепились в сознании новых представителей западничества. Разумеется, находить новые, действительно творческие пути развития гораздо труднее, чем копировать уже известное, сложившееся, хотя и отвергающееся в самих западных странах модели. Либерализм по своей сути отражает важные устремления человека. Кто будет выступать особенно сегодня, против свободы, демократии, справедливости. Любой трезвомыслящий человек будет выступать и за развитие индивидуальности, творческого потенциала личности. Но просто оперирование этими понятиями без учета конкретных исторических условий, возможностей, эти понятия превращаются в пустые абстракции. «Всё, что есть в мире испорченного, писал Гегель, испорчено на хороших основаниях» [3, с. 286]. Древнейшая мудрость гласит: благами намерениями вымощена дорога в ад.

Желание человека по своей природе утопично, сродни фантазиям. Как психологический феномен желание иррационально. Главная особенность желания

влечение к чему-то без учета возможностей. Просто хочется жить лучше, тем более есть пример соседа, который чего-то достиг. Недаром в русском фольклоре распространено мнение в виде пословицы: «Чужой дом краше». А как достичь такого не анализируется. Просто, «хочу как», но пути достижения такого положения не известны, не продуманы, да и энергетика отсутствует, а уж о простом силлогизме и говорить не приходится. Зависть заслоняет нам глаза, становится нормой жизни, отсюда ненависть к богатству, а с другой стороны жажда богатства, особенно легко достижимого. Такова реальность повседневной жизни.

О противоречивом характере русского человека писали многие отечественные умы, такие гении философской мысли как Соловьев В.С., Бердяев Н.А. и другие. Русский либерализм впитал в себя эту противоречивость, попытался духовно выразить стремление народа к извечно лучшей и счастливой жизни. Но при этом он склонен к абсолютизации социальных факторов, таких как просвещение, политическое преобразование в виде реформ, заимствование чужого опыта, стремление жить как цивилизованные народы. При всем этом устремлении к преобразованиям, свободе, защите интересов личности, демократии и прочее, прочее, он не очень стремился учесть возможности, самого желания большинства людей реально жить по новому. Роль сложившихся традиций, самобытности культуры, тех факторов и особенностей, которые определили природную и общественную особенность жизнедеятельности народов, населивших эту гигантскую территорию по названию Российская империя. Нельзя, однако, говорить о некой узости либерального мышления, которое избирает более легкий путь выбора уже готового пути, который оправдал себя на Западе. Напротив, либерализму свойственно и стремление к новизне, к поиску эффективных путей развития. Кто будет отрицать их стремление к освобождению русского крестьянства от крепостного права, к идее парламентаризма, политическим свободам? Разве эти и другие идеи, касающиеся например, просвещения народа и развитие в нем творческого потенциала не являются прогрессивными, не направлены на развитие русского общества? Отрицать это трудно.

Многие думают, что главная беда России в том, что русское общество недостаточно либерально или радикально, подчеркивал Н.А. Бердяев. «Главная беда России — не в недостатке левости, которая может возрасть без всяких существенных изменений для русской общественности, а в плохой общественной клетке, в недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального, должного радикального преобразования России, в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины» [4, с. 187].

Представители либерализма в России девятнадцатого века и современные либералы при поверхностном подходе к их идеям и устремлениям, делам и свершениям предстают перед всяким трезвомыслящим человеком новаторами, некими спасателями общества. Но это, всего лишь формально логический подход к оценке их замыслов и устремлений. Можно соглашаться и не соглашаться со словами Бердяева Н.А., что «радикалы» и «левые» могут быть совершенно негодным материалом для новой, возрожденной России» [4, с. 187]. Но «шоковая терапия» Гайдара на практике показала свою губительность для экономики и

жизни народа, как бы её не защищали современные либералы. Как говорится в великой Книге, по делам их судите. В понимании исторического развития сложились два взгляда, два подхода. Метафизический, который видит источник развития в чем-то внешнем (факторе, толчке, примере и т.д.) и диалектический, который ищет причины развития в самом явлении. Этот подход более глубокий, позволяет раскрыть внутренние источники развития, в самом обществе, народе или другом явлении. Учиться у других надо, даже перенимать опыт полезно. Но подражание, копирование такого опыта может быть и вредным, поскольку такой подход сдерживает поиск и развитие внутренних ресурсов, внутреннего потенциала, обрекает общество на вечное отставание, плестись в хвосте исторического прогресса.

Поиск своего пути всегда труден, как и самостоятельное решение проблем, но такой подход более верен, надежен, он не позволяет расслабляться, жить за счет других, он постоянно сохраняет тонус творческих решений. Опора на собственные силы дала возможность Китаю стать лидером развития в XXI веке. Именно китайцы в своем подходе строительства социализма с китайской спецификой сочетают в своей деятельности и мировые тенденции развития производства, науки, общества в целом, и национальные особенности своей культуры. Поразительно, ведь еще в девятнадцатом веке этот подход лежал в идеях славянофильства. Идейная борьба между западниками и славянофилами закончилась, как известно победой не просто западничества, а наиболее либерального крыла этого направления. Это обусловлено тем, что славянофилы предлагали по существу эволюционную модель развития, постепенный переход в новое качество, с сохранением сущности российского общества. Либеральная модель несет в себе постоянное реформирование общества, вплоть до революционных преобразований. Да, они провозглашают реформы главным методом преобразований, но в действительности жесткое преобразование, реформирование может привести к росту возмущения народа, волнениям и закончиться революцией, вопреки желаниям либералов.

Так же слабые реформы могут усугублять социальную напряженность и привести к революционной ситуации в обществе. Так случилось в России, где запоздалые реформы, их половинчатость, обеспечили революционную ситуацию, и закончилось это невиданным потрясением не только для России. Либерализм абсолютизирует форму, провозглашая сегодня тезис: «Рынок все решит и отрегулирует». Реформы, как правило, не являются новаторским изобретением либерализма, они кочуют в своих разных формах из страны в страну, из века в век.

Абсолютизация формы порождает желание надежды на автоматическое решение проблем. Ведь там, на Западе, получилось, получиться и у нас. Эта вера в универсализм экономических моделей, общие принципы, будь то свободы, прав человека, гуманизма как развитие культуры оборачивается неизбежными трудностями, противоречиями, так как форма одна, а содержание различное. Здесь кроется главное противоречие между формой и содержанием, здесь причины провала практически всех проводимых в России реформ, с которыми выступали либералы разных лет. Так было с первыми реформами второй половины

девятнадцатого века, так было и с реформами в двадцатом веке. Либерализм был желанной прихотью демократических кругов, рассуждающих о потенциальных возможностях раскрепощенного человека от пут тоталитаризма. В человеке властвующих доктринеров появились прожекты о развитии трудовой активности масс, стремительном развитии нового общества, создании морального кодекса строителя коммунизма.

Поверхностное усвоение идей основоположников бесклассового общества, отсутствие глубинного анализа социальных процессов, а то и просто логики объяснения, приводило к банкротству всяких реформаторских починов и торжеству демагогических заклинаний. На гребне волн политической и экономической нестабильности, периодически возникающих социальных кризисов, как черти из табакерки, выныривают государственные фигуры типа Горбачева, Ельцина и других, которые брались за решение государственных проблем, сущность которых не могли ни понять, ни осмыслить, ни естественно решить. Властных амбиций было хоть отбавляй, а ума хватало только на пустопорожнюю болтовню и бесконечные монологи перед собранными людьми.

Конец двадцатого столетия в России убедительное доказательство банкротства идей либерализма, его ценностей и идей. Об этом говорят и пишут многие аналитики состояния современного российского общества, его экономики, науки, культуры в целом. Особенно четко эти выводы прозвучали на футурологическом конгрессе в Москве в июне 2010 года. Так профессор Багдасарян В.Э. на большом эмпирическом материале показал неизбежность смены современной российской социально-экономической модели. «Страна продолжает системно деградировать. Приход В.В. Путина несколько замедлил темпы падения. Но вектор падения ко дну – гибели России – все равно не преодолен. Для его изменения нужна смена самой существующей сегодня модели государственности» [5, с. 103].

Доктор физико-математических наук, профессор Малинецкий Г.Г. сравнивает западный социум с «газом» атомов-индивидуумов, который опирается на либеральную экономику. Мир России, где первичны многие неписанные моральные нормы, где естественно состояние общества с совокупностью его ключевых связей, аналогичных сложной нейронной сети. Модернизация нашего общества должна учитывать эту специфику российской ментальности. «Мы живем в быстро меняющемся мире, в котором карта угроз постоянно трансформируется. И теперь приходится иметь в виду не только защиту общества, личности и государства, но и возможностей реализовать большой проект мира России, без которого у нашего отечества нет будущего» [5, с. 135].

Кризисное состояние относится не только к России, но и Западному миру, в целом. Господство лицемерия, лжи, без духовности, попирания подлинных прав, свобод личности, разгул массовой культуры, безнравственности, опустошение внутреннего мира человека, замена его культом потребления все это неумолимо ведет к деградации человеческой цивилизации. Об этом предостерегал нас Николай Яковлевич Данилевский, критикуя либеральные ценности, которые несла нам Западная Европа. Можно по-разному относиться к его теории культурно-исторических типов, от восхищения его предвидением, до скепсиса в спасительной миссии славян, но вывод напрашивается сам собой: если мы не избавимся

от этой болезни «европейничанья», если будем находиться в плену иллюзий великого комбинатора: «Запад нам поможет» найти и приобрести новые ценности взамен наших национальных, то нас ждет неминуемая духовная смерть, а затем и физическая смерть. У нас ещё есть силы и возможности избавиться от дурного подражания западным ценностям, найти свой путь духовного и материального развития. Сама жизнь веление времени требуют опоры в первую очередь на собственные силы свои традиции, свою культуру, которые были, есть и будут неиссякаемым источником развития нашего многонационального общества.

Список источников и литературы

1. Чаадаев П.Я. Философические письма. URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev1.html> (дата обращения: 30.10.2014).
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: «Книга», 1991.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1975.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. Избранные сочинения. – Ростов на/Д.: Изд-во «Феникс», 1997.
5. Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всероссийской научной конференции, 4 июня 2010 г., Москва. – М.: Научный эксперт, 2010.

PROFESSOR V.R. VOROBYEV

Doctor of Philosophy, head of philosophy and sociology department
Kursk state agricultural I.I.Ivanov Academy (Kursk)

EUROPEANISM AS A DESIRED DISEASE OF LIBERALISM

The article analysis the problem of *Europeanism*, raised by N.Ya. Danilevsky in the second half of the 19th century. It shows the reasons and consequences of this phenomenon for Russian society.

Keywords: Europeanism, cultural-historic type, liberalism, the way of development.